

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
ЕГО АПАТИЯ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Его апатия

«PEN-клуб»

2003

Абдуллаев Ч. А.

Его апатия / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2003 — (Дронго)

Это – одно из самых необычных дел Дронго. Дело, которое на первый взгляд кажется абсолютно безнадежным. Можно, конечно, сдаться перед слезами и мольбами женщины, уверенной в невиновности близкого ей человека!

Но... как помочь тому, кто самолично подписал признание в совершении множественных убийств? В том числе – убийства ребенка?.. Дронго начинает задавать вопросы – и быстро понимает, что концы с концами в этом «деле об убийстве» попросту не сходятся. Однако спасти невиновного можно, только если за считанные дни найти настоящего убийцу, о котором пока что не известно ничего...

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чингиз Абдуллаев

Его апатия

Вы часто поощряете меня: «Пиши больше о своей жизни, не бойся откровенничать!» Но ведь нельзя сказать, что я не был откровенным. Мои рассказы – это до некоторой степени признание в том, что я пережил. Но вам этого мало. Вы толкаете меня на другое: «Делай самого себя героем рассказа, пиши без стеснения о том, что приключилось с тобой самим». Вдобавок вы говорите: «И в конце рассказа приведи в таблице рядом с вымышленными и подлинными именами всех действующих лиц рассказа». Нет уж, увольте!

Во-первых, мне неприятно показывать вам, любопытствующим, всю обстановку моей жизни. Во-вторых, мне неприятно ценой таких признаний приобретать лишние деньги и имя.

Рюноске Акутагава.

Из заметок «Тэкодо».

Роман написан по реальным событиям.

Почти все имена изменены

Вместо пролога

В салоне бизнес-класса дремало несколько пассажиров. Дронго уже привык к тому, что с ним находятся не больше десяти-двенадцати человек в салоне, рассчитанном на двадцать четыре места. Он обычно устраивался где-нибудь в последних рядах первого салона, чтобы занять сразу два кресла и никому не мешать.

Дронго посмотрел в иллюминатор. Прекрасная погода, за окном можно было увидеть землю, различая с такого расстояния дороги, машины, дома, реки, озера. К нему подошла стюардесса.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросила она.

– Красное вино, пожалуйста, – попросил Дронго.

Когда тебе сорок четыре, пора провести условную границу, отделяя первую, уже прошедшую половину жизни, от второй, еще предстоящей. Почему-то именно в этом возрасте мужчина начинает задумываться над тем, что сделал. Что успел и чего не успел. К чему стремился и чего не достиг. Чем хотел обладать и что в результате получил. Довольных бывает очень мало, гораздо большее число людей считает свою жизнь малопривлекательной и не совсем удавшейся. Но это уже зависит и от внутренней самооценки. По большому счету, Дронго считал свою жизнь удавшейся, хотя порой его охватывало грустное чувство одиночества. Правда, в Риме жила Джил с сыном, к которым он всегда мог улететь... И все же Дронго чувствовал некоторое неудовлетворение своим нынешним положением, а иногда испытывал и разочарование в деле, которым занимался всю жизнь.

Заболела спина, и он поморщился. После возвращения из Риги спина болела особенно сильно. В «Рэдиссон», где он остановился, был прекрасный бассейн и хорошие тренажеры. Он не понимал, почему люди изнуряют себя многочасовыми тренировками. Жалко было и времени, и своего тела. Но провести в бассейне десять минут или немного пробежать по дорожке было совсем не обременительно. Чем он и занимался в свободное время. Однако на одном из тренажеров он не рассчитал движения и ударился спиной. Несколько дней Дронго принимал утренний душ и плавал в бассейне, не обращая внимания на ссадину. Пока однажды не лег на спину, чтобы поднять штангу и не почувствовал, как особенно неприятно заныло место ушиба. На следующий день он обнаружил небольшое вздутие. А еще через день спина уже болела нестерпимо.

Теперь в самолете Москва – Баку он чувствовал, что ему больно даже прикасаться спиной к спинке кресла.

Стюардесса принесла стакан красного вина, и он выпил, чуть поморщившись. «В самолетах лучше просить водку с томатным соком, подумал Дронго. – Хорошего вина здесь все равно не дадут, а с водкой хоть не бывает таких проблем». Да, спина явно начинает все сильнее беспокоить его.

В Баку он сначала заехал к родителям, а вечером приехал к себе домой. У него были похожие квартиры в Баку и в Москве. Войдя в квартиру, он сразу разделся и прошел в ванную комнату. Повернув голову, рассмотрел в зеркале свою спину, и она ему очень не понравилась. К тому же, похоже, у него поднималась температура. Встав под душ, он едва не выпрыгнул из ванны: место ушиба отозвалось на горячую воду совсем уж нестерпимой болью.

Заснуть он так и не смог, а потом поднялся, оделся и поехал в больницу, где усилиями зарубежных специалистов были введены платные услуги. Дежурный хирург, молодой человек лет тридцати пяти, осмотрев место ушиба, спокойно-равнодушно покивал головой.

– У вас может начаться абсцесс, – пояснил он. – Будет лучше, если я вас прооперирую. Края раны почернели, наверное, попала инфекция.

– Только введите мне большую ампулу новокаина, – попросил Дронго.

– Я сделаю вам укол ледокаина, это куда эффективнее, – успокоил врач.

Он вызвал медсестру, они сделали укол. Прошло несколько минут, и хирург достал инструменты. Но едва он дотронулся до спины, как Дронго поморщился.

– Я же просил вас ввести мне большую дозу, – напомнил Дронго.

Врач и сестра переглянулись.

– Странно, – сказал врач, – я ввел вам целую ампулу. Ладно, сделаем второй укол.

Медсестра сделала второй укол обезболивающего. Прошло еще пять минут. Хирург снова взялся за инструменты. И опять, едва он дотронулся, как Дронго чуть не закричал.

– На меня плохо действуют такие лекарства, – пояснил Дронго. – У меня другой порог чувствительности.

– Это невозможно! – ошеломленно воскликнул врач. – Мы ввели вам две ампулы. Так не бывает.

– Бывает, – печально ответил Дронго. – Я чувствую боль других людей, она мне часто передается. И не могу заглушить боль собственную. Ни лекарствами, ни наркотиками, ни спиртным. На меня они слабо действуют. Вы когда-нибудь видели таких людей?

Хирург опять изумленно переглянулся с медсестрой.

– Не понимаю, – пробормотал он, – такого в моей практике не было. На вас абсолютно не действует лекарство.

– И все остальное тоже, – подтвердил Дронго, – ладно, работайте. Я постараюсь не кричать. Или сделайте третий укол.

– Не могу, – сказал врач, – нельзя делать три укола подряд. Я просто не имею права.

– Тогда начинайте, – предложил Дронго, – я постараюсь потерпеть.

Глава 1

По его адресу в Баку, улица Хагани, двадцать пять, шли письма со всего мира. Дронго старался добросовестно отвечать на многие из них, но часто не хватало времени и душевных сил на каждую боль, на каждое письмо. Несколько дней назад он получил письмо из Харькова. Мальчик девяти лет, очевидно, каким-то неведомым образом узнавший о существовании Дронго и сумевший достать его адрес, написал ему большое письмо. Письмо невозможно было читать спокойно, без эмоций. Мальчик жаловался, что в прошлом году у него пропал отец, и никто не может найти его папу. Ни мама, которая плачет по ночам, ни милиционеры, которые несколько раз приходили к ним с расспросами, ни тетка, сестра отца, которая тоже приходит к ним и также плачет. Мальчик, узнавший о знаменитом сыщике, просил дядю Дронго найти его отца. Приехать и найти.

Секретарь оставила письмо и ушла, ничего не сказав. Но на глазах у нее были слезы. Дронго несколько раз перечитал письмо. Нужно было отвечать, но он не знал, что и как ответить на подобное письмо, написанное в расчете на чудо. На душе было тяжело и гадко, словно он был виноват в том, что обманул ожидания ребенка. Детский почерк, крупные буквы, страстицы, вырванные из ученической тетрадки. Чем дольше смотрел Дронго на письмо, тем отчетливее понимал: он обязан ответить. Но что написать?

Так и не найдя ответа на этот вопрос, Дронго заставил себя убрать письмо в ящик стола, взял пиджак и вышел из кабинета. Хотелось пройтись по предвечернему Баку, отвлечься от чужого – и такого близкого ему! – горя. На улице было прохладно, он надел пиджак и зашагал в сторону набережной. Взглянул на часы – около пяти часов пополудни.

Привычка обращать внимание на людей вокруг себя заставила его насторожиться. Он заметил тень, возникшую за его спиной. Женщина упорно преследовала Дронго от самого дома, перебежала за ним улицу. Он пошел через парк – она семенила следом, стараясь не потерять его из виду, но и не подходя к нему ближе.

«Что это значит?» – Дронго нахмурился. Если за ним следят, то почему послали такую дилетантку? Она даже не пытается скрыть свой к нему интерес. Ни одна спецслужба мира не позволит своей сотруднице столь явно демонстрировать заинтересованность объектом. Впрочем, какие уж тут спецслужбы. Женщина имела испуганный вид, чувствовалось, что она нервничает.

«Почему она так волнуется?» – подумал Дронго, еще раз полуобернувшись к преследовательнице. Чтобы увидеть незнакомку, ему не было нужды поворачиваться к ней – она шла чуть правее, отставая метров на десять. На роль киллера она годилась еще меньше. Он чуть замедлил шаг, давая ей возможность догнать себя. Но она продолжала сохранять дистанцию.

«Что ей нужно? – с нарастающим раздражением думал Дронго. – Почему она так упрямо меня преследует? Нужно обернуться и спросить ее, чего она хочет. Может быть, это обычная побирушка, которая хочет выждать удобный момент, чтобы попросить милостыню? Нет, для этого она одета слишком прилично».

Дронго решительно свернул за угол и замедлил шаг. Расчет оказался верным: незнакомка выбежала из-за угла и едва не налетела на него.

– Извините, – пробормотала она.

– Ничего страшного, мадам. Вы куда-то торопитесь?

– Да... нет... – Она явно смутилась. Он присмотрелся к ней. Миловидное лицо, красивые темные глаза. Одета скромно – темный плащ, полусапожки, в руках небольшая сумочка. Женщина чем-то неуловимо напоминала Джил. Может, потому, что у нее такие же правильные черты лица. И похожие миндалевидные глаза.

– Зачем вы идете за мной? – спросил Дронго.

– Я хотела с вами встретиться... поговорить... – поправились она. – Мне сказали, где вас можно найти. – По-русски незнакомка говорила с характерным гортанным акцентом уроженцев Дагестана. Она нервно теребила в руках сумочку. – Вы ведь господин Дронго? – Женщина произнесла это слово с некоторой нерешительностью. – Извините меня, но мне говорили, что к вам можно так обращаться.

– Меня обычно так называют, – кивнул он, – в этом нет ничего обидного. Не волнуйтесь. Объясните, почему вы хотели меня видеть. Давайте выйдем на набережную, там есть скамейки. Вы не местная?

– Нет, я из Махачкалы. Искала вас в Москве, но узнала, что вы улетели в Баку, вот я и приехала сюда.

– Как вас зовут?

– Фатима, – ответила женщина, – Фатима Магомедова. Показать вам паспорт?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – я же не из милиции. Пойдемте, и не нужно так нервничать. Я уже понял, что вы приехали сюда, чтобы со мной встретиться.

Они вышли к приморскому бульвару. Дронго придержал женщину за руку, пропуская проходившие автомобили. На набережной стояли скамейки. Они сели. Дронго посмотрел на небо, подумав, что может начаться дождь.

– Так почему вы хотели меня увидеть? – спросил он. – У вас ко мне какое-то дело?

– Да, – кивнула она. – Извините, что подошла к вам на улице, но... В Москве никто не давал вашего телефона. Я узнала, где вы там живете, и все ходила вокруг вашего дома. А потом решила приехать сюда.

– У вас ко мне что-то важное?

– Да, очень. – Фатима вздохнула. – Дело в том, что моего младшего брата могут убить. Я очень за него боюсь. Он невиновен, а они...

– Подождите. Не волнуйтесь и расскажите все по порядку. Кто его может убить? Где он находится?

– В ростовской тюрьме, – пояснила женщина. – Сейчас в Ростове идет суд. Я очень за него боюсь. Адвокат сказал, что моему брату грозит высшая мера наказания. А я знаю, что он невиновен...

– Мне трудно понять суть дела. Вы говорите очень сумбурно, – перебил ее Дронго. – Если он в тюрьме, то почему ему угрожает такая опасность? Кто его может убить и почему? Если вы думаете, что высшая мера наказания – это расстрел, то ошибаетесь. В России расстрел отменен, и теперь высшая мера наказания – пожизненное заключение.

– Вот этого я и боюсь, – сказала она с тяжелым вздохом. – Брата так страшно бьют в тюрьме. Я его видела на суде. У него все лицо – один сплошной синяк. Он уже лежал в тюремной больнице со сломанными ребрами. Как только его сажают к матерым уголовникам, те сразу его избивают до полусмерти. А следователи нарочно сажают его именно в такие камеры, чтобы брат подписал все признания.

– Стало яснее, но не до конца. Давайте с самого начала. Кто такой ваш брат? Почему он попал в тюрьму? Почему его хотят приговорить к высшей мере наказания? В общем, постарайтесь рассказать все спокойно и по порядку.

– Да, конечно. Извините, я действительно говорю невпопад. Это мой младший брат Омар, у нас разница в два года. Наша мама умерла, когда мне было десять, а ему восемь, и я с тех пор относилась к нему не только как старшая сестра, но и пыталась заменить Омару мать. Он закончил школу с золотой медалью, поехал поступать в Московский авиационный институт – и сразу поступил, представляете? И учился отлично, получил красный диплом. Потом попал по распределению в Воронеж, на авиационный завод. Все было так хорошо! Он там и женился, а в восемьдесят девятом у него родился сын. Я так радовалась за Омара, – она с трудом сдерживала слезы, – а потом все изменилось...

Дронго молча слушал, не решаясь перебить Фатиму. Та немного помолчала, собираясь с силами, и продолжила:

– Он вступил в какой-то кооператив, думал, что сможет заработать, но дело у них не пошло. В девяностом они закрылись. Потом, в девяносто втором, его уволили с завода, там тогда остановили производство, многих инженеров увольняли. Омар еще раз попробовал начать свое дело, и опять ничего не вышло. Не все люди могут заниматься финансовыми операциями. А другие могут, раньше мы таких называли спекулянтами, фарцовщиками, Омар всегда над ними смеялся. И вот теперь попытался торговать, но не смог. Его друзья привозили товары из Турции и продавали в Воронеже, а у него не получалось. Один раз поехал за товаром и ничего не купил. А во второй раз купил, привез, однако оказалось, что вся партия кожи никуда не годится. Гнилая была, его посредники обманули в Стамбуле. Потом какой-то поляк появился, кооператив создал – и тоже всех обманул.

Она достала платок и вытерла слезы. Дронго не торопил Фатиму – пусть соберется с силами.

– В конце восьмидесятых Омар тему взял, хотел диссертацию защищать, – продолжила рассказ Фатима. – Если бы все так не повернулось, он бы хорошим специалистом стал. Да и жена у него оказалась... В общем, они не очень ладили в последние годы. Сначала продали квартиру, решили переехать в Махачкалу. Потом передумали. Она сама с Украины была, вот и решила, что им нужно в Киев уезжать. Но у них что-то не заладилось. А потом началось это страшное дело. Я даже не поверила, когда мне сообщили...

У женщины дрожали руки, она не могла больше говорить. Дронго терпеливо ждал, когда она успокоится.

– Извините, я очень волнуюсь, – наконец сказала она. – Несколько месяцев назад Омара арестовали. Сотрудники милиции и прокуратуры приехали за ним к нам, Омар тогда у меня гостил. Вы даже не можете себе представить, что с нами было! Со мной, с мужем, с детьми. У меня две девочки, и они потом несколько дней не могли нормально спать. В общем, арестовали его. Он был такой бледный и все пытался нас успокоить. Я чуть с ума не сошла, когда узнала, что его обвиняют в убийстве. Утром мы с мужем поехали в прокуратуру. Когда нам сообщили, в чем обвиняют Омара, я немного успокоилась. Мне казалось, что это чудовищное недоразумение, что все разъяснится. Ведь брата обвиняли не просто в убийстве, следовательно сказал, что мой брат убил целую семью. Мужчину, его жену и их девочку. Девятилетнюю девочку. Я знала, как Омар любит детей, он обожал сына и моих дочерей. Чтобы он убил ребенка? Никогда в жизни в это не поверю! Нужно знать моего брата, он на такое не способен, я в этом абсолютно убеждена.

Но через две недели следователь сказал нам, что брат подписал признание в этих чудовищных убийствах. А затем я узнала, что он в больнице с переломанными ребрами. Следователь рассказал, что его избили другие заключенные, но я сразу поняла, что из брата выбивали признание. Нам разрешили с ним увидеться. Он был в таком состоянии, я не поверила, что это мой Омар! Потом начался весь этот кошмар. Омара этапировали в Ростов, где он, оказывается, убил сразу троих. Начался суд, и брат снова попал в больницу. На этот раз ему проломили голову, и врачи боялись, что он не выживет. Следователь сказал, что осужденные не любят убийц и насильников детей. Но мой брат не убийца. И не насильник. Я не могу забыть его лица там, в махачкалинской больнице. У него было такое страшное выражение!

– Он вам что-нибудь сказал в больнице?

– Сказал, что виновен. Я начала кричать, чтобы он так не говорил, но он упрямо повторял, что виновен. Я ничего не могла понять и начала плакать. А потом мой муж увел меня отсюда.

– Вам разрешили свидание в тюремной больнице?

– Да. Мой муж – главный врач «Скорой помощи» в Махачкале, а его друг работает главным врачом в тюремной больнице. Он и пробил нам разрешение.

– Больше вы с братом не виделись?

– Только на суде в Ростове. Сейчас перерыв в судебных заседаниях, Омар уже второй месяц в больнице. Но его адвокат сказал нам, что скоро суд возобновится. И я решила обратиться к человеку, который может нам помочь. К вам, господин Дронго.

– Почему вы решили, что я смогу вам помочь?

– Мой муж много слышал о вас. Говорят, что вы способны расследовать любое преступление. У нас в Махачкале про вас ходят легенды. И я решила, что вы сможете нам помочь. Найдите настоящего убийцу, спасите моего брата. Даже если теперь нет смертной казни и ему дадут пожизненное заключение, он долго не продержится. Мне объяснили, что осужденные за убийство детей в заключении долго не живут. Их там убивают.

– В тюрьмах и колониях не любят насильников и убийц малолетних, – мрачно подтвердил Дронго, – там не прощают подобных преступлений.

– Мне это уже сказали, – Фатима еще раз достала скомканный мокрый платок. – Я замечала Омару мать с восьми лет. И у нас не было никаких тайн друг от друга. Он не мог убить ребенка. Он не мог стать хладнокровным убийцей, способным перебить целую семью. Я в это не верю. И поэтому приехала к вам.

Дронго молчал, раздумывая над услышанной историей. Неправильно поняв его молчание, Фатима с трудом проговорила:

– Я знаю, вы не обязаны заниматься расследованием этого преступления. Но мы готовы... мы можем вам заплатить... – она торопливо, дрожащей рукой открыла сумочку и достала какой-то сверток. – Дронго нахмурился. – Вот, – сказала она, раскрывая сверток. В нем лежали пара обручальных золотых колец, серьги, кольцо с небольшим бриллиантом. – Простите, что я не говорю о деньгах, но это все, что у нас есть...

– Уберите, – попросил Дронго. – Вы знаете, сколько таких случаев происходит в стране? Извините меня, но я не могу заниматься каждым подобным случаем...

– Не каждым, – взволнованно перебила его женщина, – у него остался сын. У меня две девочки. Что мы им скажем? Что их отец и дядя убийца? Как после этого нам всем жить? Как мне жить, зная, что в тюрьме убивают моего невиновного брата? Простите, что я привезла вам все эти украшения. У нас нет нужных денег, но я готова отдать все, что имею, лишь бы спасти Омара. Помогите ему.

Дронго вспомнил о письме, которое ему написал мальчуган из Харькова. И подумал о Джил и своем сыне. Имеет ли он право отказывать в подобных случаях? Но ведь всем помочь действительно невозможно.

– Вы сами-то хоть понимаете, в какое глупое положение меня поставили? – Дронго вздохнул. – У вас в семье случилась страшная трагедия, и я сочувствую вашему горю. Вы считаете, что я ваш последний шанс. Но я не могу быть последним шансом такого количества несчастных людей. Постарайтесь меня понять, Фатима.

Она опустила голову. И неожиданно произнесла с ожесточением:

– Вы такой же, как все. Такой же, как остальные. Напрасно я к вам приехала. О вас рассказывали столько разных сказок. Вы казались мне таким справедливым, порядочным и добрым человеком, а на самом деле... – Она поднялась со скамейки. – Неужели вы не способны просто так помочь человеку, попавшему в беду? – спросила она. – Или вы привыкли работать только на толстосумов, которые могут очень много заплатить?

– Перестаньте! – строго прервал ее Дронго. – Кто дал вам право меня оскорблять?

– Извините, – неожиданно сникла она, – извините меня. Я так надеялась! – Она разрыдалась.

Дронго поднялся, протянул ей платок. «Моя идиотская популярность приносит мне только вред», – огорченно подумал он, прежде чем сказать:

– Не нужно больше плакать. Успокойтесь, я постараюсь что-нибудь сделать. Это, конечно, не выход, но у меня есть несколько дней. Поеду в Ростов, попытаюсь понять, что именно произошло с вашим братом...

– Вы вам заплатим, – сказала сквозь слезы Фатима.

– Ну хватит, – решительно остановил ее Дронго, – я еще пока не умираю с голоду. Билет до Ростова могу купить и за свои деньги, а там посмотрим. Может, будет достаточно поговорить с адвокатом. Если вашего брата вынудили дать показания против себя, об этом его адвокат может заявить на суде. Или потребовать суда присяжных. Сейчас это можно требовать, когда подсудимому грозит высшая мера наказания.

– Спасибо, – взволнованно и благодарно бормотала женщина, – большое спасибо...

– У вас есть где жить? – поинтересовался Дронго.

– Я остановилась у родственников. Они и подсказали, как вас найти.

«Лучше бы они ничего не говорили», – в сердцах подумал Дронго, но промолчал.

– Увидимся завтра, – предложил он. – Успокойтесь и идите к своим родственникам. Дорогу найдете?

– Я бывала в Баку много раз, – улыбнулась сквозь слезы Фатима, – у меня здесь тетя жила. И сейчас две двоюродных сестры живут.

– У них есть телефон?

– Есть. – Она продиктовала номер.

– Завтра позвоню. До свидания. – Он кивнул ей на прощание и пошел по набережной. Женщина долго смотрела ему вслед.

«Какой уже раз я попадаю в подобные истории, – думал Дронго по дороге домой. – Ну почему все так глупо получается. Такие истории выводят меня из себя. Но она, несомненно, верит в невиновность брата. Золотая медаль, с отличием окончил МАИ. И такой человек мог жестоко убить целую семью? Неужели нормальный парень способен так переродиться? Похоже, дело действительно требует тщательного изучения. Интересно, что думает его адвокат? Нужно будет завтра еще раз поговорить с Фатимой. Какие улики попали к следователям, если они уверены в причастности Омара к столь страшным убийствам?»

Глава 2

Утром около одиннадцати он позвонил Фатиме.

– Я плохо спал, – признался Дронго, – все время думал о деле вашего брата. Вы сами знали человека, семью которого он убил?

– Нет, не знала. И никогда о нем не слышала, – взволнованно сказала Фатима. – Но неужели вы думаете, что мой брат мог перебить семью своего знакомого?

– А семью незнакомого – можно? – в сердцах спросил Дронго.

– Извините, я сказала глупость. Конечно, никого нельзя убивать.

– Он вам ничего не говорил?

– Ничего. Омар признался, но его к этому принудили. Мой брат невиновен, – твердо сказала женщина, – он не мог застрелить мужа и жену, а потом задушить ребенка. Он не способен сделать такое!

– Откуда у него пистолет?

– Не знаю. У нас дома никогда не было оружия. Отец даже на охоту не ездил с друзьями, не любил он это занятие. И Омар не ездил. Он не мог смотреть, как курицу режут. В детстве во время курбан-байрама убегал домой, не мог видеть, как режут жертвенного барана. И такого человека они сделали убийцей!

– Успокойтесь, – мрачно сказал Дронго. – Приезжайте сейчас ко мне, буду вас ждать.

– Вы живете один? – спросила она. – Это неудобно.

– Умереть можно от вашей непосредственности, – буркнул Дронго. – На улице меня ловить удобно, предлагать мне последние ценности вашей семьи удобно, просить меня защитить вашего брата удобно. А приезжать ко мне неудобно.

– Извините. Я на все согласна.

– Только не нужно такой патетики. Я понимаю, что у вас большое горе, но я зову вас к себе не в гости, а чтобы уточнить некоторые детали. Так что приезжайте поскорее. И перестаньте все время извиняться! Если я решил заняться делом вашего брата, то уже вряд ли передумаю.

– Спасибо, – взволнованно сказала Фатима.

Она приехала к нему ровно через полчаса. И позвонила в дверь коротким звонком, словно, дотронувшись до кнопки звонка, сразу отдернула руку, боясь обжечься. Дронго открыл дверь и провел ее в гостиную. Она нерешительно оглядывалась по сторонам, теребя сумочку.

– Давайте для начала условимся, что вы ничего не будете от меня скрывать, – сказал Дронго, усаживая гостью на диван и устраиваясь рядом с ней. – Начнем с вопроса о том, откуда у него мог взяться пистолет.

– Честное слово, не знаю, – сказала Фатима. – Сама не могу этого понять.

– Кто его адвокат?

– Какой-то старик. Голиков Андрей Андреевич. Его назначили, Омар отказывался от адвоката, но они сами назначили.

– Все верно, – кивнул Дронго, – по российским законам в таких случаях государство назначает адвоката. Когда речь идет о тяжких преступлениях.

– Да-а... – Она готова была снова заплакать, но сдерживалась. – Еще Омар сказал, чтобы мы не приезжали на суд. Он не хочет нас видеть. Я так за него боюсь!

– Завтра я вылетаю в Москву, – сказал Дронго, – хотя честно признаюсь, что ненавижу летать. Я сделаю пересадку в Москве – и в Ростов. У вас есть телефон Голикова?

– Конечно, есть. Процесс должен возобновиться в понедельник.

– Сегодня среда, значит, через четыре дня.

– Голиков сказал, что нет никаких шансов. Омар все признал и все подписал. Может, вы сумеете найти убийцу за эти дни?

– Только в книгах или в кино, – пробормотал Дронго, – убийцу удастся найти за несколько дней. А я не Шерлок Холмс и не Эркюль Пуаро. Но попытаюсь понять, что там произошло и по каким основаниям обвиняют вашего брата.

– Спасибо, – взволнованно сказала она, – я вам так благодарна!

– Вы поедете в Ростов?

– Конечно. Я взяла билет на сегодняшний вечер. Поезда сейчас идут в обход Чечни через Дагестан. В Махачкале меня встретят муж и его брат. А может, они приедут в Хачмас, чтобы ехать со мной до Махачкалы.

– Может, вам не нужно приезжать в Ростов, если ваш брат был против?

– Как это не нужно? – изумилась она. – У меня только и есть на свете наша семья и Омар. Я ему все время как мать была, так неужели я его сейчас брошу?

– Вы приедете в Ростов одна?

– Да. Мужа не отпускают с работы.

– Ясно, – вздохнул Дронго. – Где вы в Ростове остановитесь?

– У знакомых. В Ростове живут наши хорошие знакомые, семья Аркадия Петросяна. Ой, извините, что я вам об этом говорю.

– Почему – извините? – не понял Дронго. И лишь затем до него дошло. – Вы считаете, что я стану относиться к вам иначе только потому, что вы живете у Петросянов? – печально спросил Дронго. – Наверное, вообще боитесь говорить в Баку, что у вас есть друзья-армяне?

– Да, – кивнула она, – я никому про них не говорю. Они очень хорошие люди. Были соседями моей тети, уехали из Баку в восемьдесят девятом. Вы знаете, как они вспоминают Баку и его людей, как любят этот город!

– Вполне могу себе это представить. Во что же нас всех превратили, если вы, приехав сюда, боитесь говорить о своих друзьях только потому, что они армяне! Ладно, не будем больше об этом. Дайте мне телефоны и адреса Голикова и семьи Петросян, чтобы я мог найти вас в случае необходимости.

Она продиктовала телефоны и адреса. К удивлению женщины, Дронго не стал записывать, а лишь покивал головой, запоминая адреса и номера телефонов.

– Почему ваш брат оказался в Ростове? Что он там делал? – поинтересовался Дронго.

– Не знаю. Помнится, он несколько раз ездил в Ростов, говорил, что у него там какие-то дела.

– Не объяснял какие?

– Нет. Ничего не объяснял.

– Когда произошло убийство, он был в Ростове?

– Они его подставили.

– Кто именно?

– Что? – не поняла Фатима.

– Вы сказали: «Они его подставили». Кто именно? И вы не ответили на мой вопрос.

– Следователи, бандиты, какие-то его знакомые. Не знаю. Но он был тогда в Ростове, поэтому его и подставили.

– После того как произошло убийство, он приехал в Махачкалу? Или поехал в другое место?

– Он поехал к своей семье в Киев. Из Ростова удобнее ехать в Киев, чем из Махачкалы.

– И потом приехал к вам?

– Примерно через две недели.

– Ничего необычного в его поведении вы тогда не заметили?

– Ничего, – после едва заметной паузы тихо ответила она.

Дронго почувствовал некоторую неуверенность в ее голосе.

– Мы договаривались, что вы будете со мной откровенны, – напомнил Дронго.

– Да, конечно, – кивнула Фатима. – Он был каким-то тихим, задумчивым. Я решила, что у него опять неприятности с Леной, и не стала его расспрашивать. А на следующий день его арестовали.

– Лена – это супруга?

– Да. Я говорила, они познакомились и поженились еще в восемьдесят восьмом. Омар еще совсем молодым человеком был. Я тогда даже хотела уговорить его не торопиться, но потом решила, что не нужно ему мешать. Он ее так любил! Никогда себе не прошу, что тогда его не отговорила. А в восемьдесят девятом у них сын родился, Руслан. Ему сейчас уже почти четырнадцать. Совсем взрослый парень.

– Они сейчас живут в Киеве?

– Да, у матери Лены. Она ему не пара, хотя очень красивая девушка. Такая высокая, статная.

– Почему не пара? Может, вы к ней были несправедливы? Кстати, я вас не спросил, не хотите ли чаю или кофе?

– Ничего не нужно, спасибо, я завтракала. А что до моей ее оценки... Знаете, есть вещи, о которых никто и никогда не говорит. Лена была славная девушка и, наверное, любила Омара. У них поначалу была хорошая семья. Сын родился – Омар от радости чуть с ума не сошел. Все твердил: у меня, мол, будет пятеро детей. У него ведь младшего брата не было, Омар говорил, что Руслан будет ему и сыном, и младшим братом, и другом. Знаете, что такое для лезгина рождение сына, первенца.

– Представляю.

– Конечно, они любили друг друга. Но потом у них начались мелкие ссоры, стычки. Я вам вот что скажу. Лена была хорошая жена – но хорошей женой для хорошей жизни. А когда начались проблемы, она не выдержала. Омара уволили с завода, у него не было работы, не было денег. Как-то устроиться он не сумел. А брат Лены в это время в Киеве торговал обувью, и она всегда его в пример Омару ставила. Ну разве станет умная женщина так унижать своего мужа? Все время приводя в пример других, более удачливых мужчин? Будь она лезгинкой, такого никогда бы не сделала. Простите, что я об этом говорю. Об этом обычно не говорят.

– Ум женщины не зависит от национальности, – усмехнулся Дронго.

– Может, вы и правы. – Фатима вздохнула. – Только когда в семье все хорошо, мелким ссорам не придают значения. А вот когда плохо... Хорошая жена – это женщина не только на добрые, но и на тяжелые для мужчины времена. Когда она может его понять и поддержать. Когда она его подпирает, чтобы он не упал. Я ведь закончила филологический факультет нашего университета. Помните, как у Гюго. Беру тебя в жены для жизни в радости и в горе, в счастье и несчастье. Что-то похожее. А Лена была хорошей женой в счастливые времена. Только в счастливые. И сломалась, когда все изменилось.

– У них не было больше детей?

– Нет, не было. – Дронго промолчал. – Понимаю, почему вы молчите, – неожиданно сказала Фатима. – Да, Лена не хотела больше детей. Не хотела больше рожать. – Дронго опять никак не отозвался. – Когда женщина не хочет рожать детей от своего мужа – значит, она его уже не любит. – В голосе Фатимы звучала абсолютная убежденность. – У нас две девочки, и я все время переживаю, что не родила мужу сына. Мне тридцать девять лет, а я до сих пор страдаю из-за этого. Если бы я могла... – Она покраснела, отвернулась. – Даже не знаю, почему говорю вам такие вещи. Но вы хотели, чтобы я от вас ничего не скрывала. Лена бросила Омара и уехала в Киев к своим брату и матери.

– Может, эта семейная трагедия сказалась на душевном состоянии вашего брата?

– Конечно, сказалась. Знаете, как он своего сына любит? С ума сходил, когда несколько месяцев его не видел. От меня по телефону звонил, говорил и плакал. Я сама видела. Такой человек не пойдет на убийство. И потом, он ведь умный, понимал, чем ему такое грозит.

– Однако вы ведь сказали, что он признался в убийстве.

– Да, – тихо произнесла она, – но я не верю. Не мог он этого сделать, слышите, не мог! Не он убивал. Его подставили. Помогите нам, я умоляю вас!

Она была сильным человеком, но Дронго чувствовал, что его гостя готова сорваться. Он быстро прошел на кухню, принес бутылку минеральной воды и стакан. Открыв бутылку, он налил воды и протянул ей стакан. Фатима поблагодарила его кивком головы и жадно выпила воду.

– Простите мне мое поведение, – неожиданно сказала она, – и мою болтовню. Я как пьяная, сама не знаю, что говорю. Но лгать вам не хочу. Я ничего больше не знаю. Если бы что-то еще знала, обязательно рассказала бы.

– Я вызову машину, чтобы вас отвезли обратно, – предложил Дронго.

Когда Фатима ушла, он прошел в свой кабинет, сел в любимое кресло и минут тридцать вспоминал все, что она ему сказала. Затем взял телефон, уточнил через справочную код Ростова и набрал номер адвоката. Ждать пришлось достаточно долго, пока наконец не раздался молодой женский голос:

– Алло. Я вас слушаю.

– Здравствуйте. Это квартира Голиковых?

– Да.

– Вы не могли бы позвать к телефону Андрея Андреевича?

– Его нет, – ответила девушка, – папа сейчас в юридической консультации. Он сегодня дежурный. Что ему передать?

– Ничего. Извините, что побеспокоил. Я перезвоню. – Дронго положил трубку.

Нужно знать работу адвокатов, чтобы понять смысл состоявшегося разговора. Дронго нахмурился. Когда Фатима сказала, что ее брату назначили адвоката, он сразу усомнился в том, что Омару достался хороший защитник. Опытных и преуспевающих адвокатов не назначают в установленном законом порядке. Такие сами выбирают клиентов и обговаривают свои гонорары. Назначаемые адвокаты, как правило, – это либо стажеры, молодые ребята, лишь недавно получившие разрешение на работу, либо пенсионеры, которые получают за свою работу соответствующую плату в юридических консультациях. У него еще теплилась надежда, что Голиков может оказаться опытным профессионалом, согласившимся на защиту в силу необычности самого процесса. Но после разговора с его дочерью все стало ясно. Голиков еще и назначался дежурным по юридической консультации – значит, он обычный пенсионер, получающий работу лишь из уважения к его почтенному возрасту. Известные адвокаты не зарабатывают, оказывая услуги по составлению необходимых документов и оформлению жалоб. Обычно в консультацию обращаются старушки-пенсионерки с жалобами на соседей да сутяжники, ищущие управу на мелких чиновников-бюрократов.

«Странно, – подумал Дронго, – Омар, сравнительно молодой человек, должен понимать, какое суровое наказание получит за три приписываемых ему преступления. И при этом он так любит своего сына. Тогда почему он берет на себя эти три убийства и отказывается от адвоката? Человек, окончивший с отличием МАИ, не может быть идиотом. Значит, он пошел на такой шаг с какой-то целью. Может, ради... семьи?

Тоже маловероятно. Ведь у него остается Руслан – с клеймом сына убийцы на всю жизнь. Что же еще? Фатима говорила, что их мать умерла, когда дети были совсем маленькими: сестре десять, брату восемь лет. В Дагестане девушки рано выходят замуж. Получается, что их мать умерла, когда ей было немногим больше тридцати. Или даже меньше тридцати. Почему она умерла? От какой болезни? Если рак или сердце, то такая болезнь может быть наследственной? Может, Омар знает, что он обречен? Это может быть первой версией. Зная, что он не жилец, Омар берет вину на себя и выгораживает кого-то. Вот и вторая версия.

Нужно все проверить».

Дронго взял телефон, набрал номер родственников Фатимы и попросил ее позвать. Она почти сразу подошла к телефону, словно ждала его звонка.

– От чего умерла ваша мама? – спросил Дронго.

Она довольно долго молчала. Потом спросила:

– Вам это нужно для расследования?

– Да.

– Она умерла от рака, – сухо сообщила Фатима.

– Сколько ей было лет?

– Тридцать.

– Я должен задать вам еще один вопрос. Только поймите меня правильно. Мне нужно знать все обстоятельства, чтобы провести объективное расследование. Вы сказали, что хотели бы родить мужу сына. Но не можете. Я могу узнать почему? – Она молчала. – Алло, вы меня слышите? – спросил озадаченный Дронго.

– Слышу. Это тоже нужно для Омара?

– Я задаю вопросы не из праздного любопытства.

– Извините. У меня была операция. Очень сложная. И после этого я не могу рожать. Вы меня понимаете?

– Онкология? – безжалостно потребовал уточнения Дронго.

– Да. У вас еще есть вопросы?

– Нет, спасибо.

– До свидания. – Она положила трубку.

Дронго откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. «Когда человеку все равно, он бывает непредсказуем в своих поступках. Кажется, похожее случалось с Эдгаром Вейдеманисом, но об этом потом. Первую версию придется проверить. И вторую тоже, она вполне может наложиться на первую. У Омара нет будущего, и он зачем-то берет чужую вину на себя. И третья версия: его пытаются запугать, шантажируя безопасностью семьи или какими-то обстоятельствами. Нужно будет проверять все версии». Однако завтра ему предстоит два авиаперелета. От одной этой мысли портилось настроение. А на поезде ехать долго. Вот так и приходится летать раз сорок или пятьдесят в году. Плюс еще в Италию к Джил и сыну. Кажется, он летает в год больше опытных летчиков.

«Омар отказывается от адвоката – значит, считает дело предрешенным, – вернулся к своим рассуждениям Дронго. – Неужели он собирается следующие лет сорок сидеть в тюрьме? Этого я не понимаю. Или я просто не знаю еще чего-то важного?»

Глава 3

Ростов порадовал Дронго ясной, теплой погодой. В аэропорту его встречал старый знакомый – Константин Федяков, с которым он дружил больше десяти лет. В начале девяностых они познакомились в Москве и с тех пор неизменно относились друг к другу с большой симпатией и уважением. Константин работал в местном издательстве и в первой половине девяностых издавал детективную и прочую коммерчески выгодную литературу, которая хорошо продавалась по всем странам СНГ.

Федяков заранее заказал номер в отеле «Интурист», куда они сразу и поехали из аэропорта.

– Давно не был у нас в Ростове? – спросил Федяков. – А то ведь с тебя станется: заедешь и по занятости на глаза другу не покажешься.

– Больше десяти лет.

– Здесь все изменилось. – Федяков хохотнул. – Впрочем, сам увидишь.

– Я сюда по другому вопросу, – напомнил Дронго.

– Да я знаю. – Костя помрачнел. – Ты приехал на этот процесс, о котором, оказывается, весь город говорит. Напрасно ты приехал. Нужно было заранее мне позвонить. Я бы тебя отговаривал ввязываться в это дело. Я вчера, как только ты сообщил, что приезжаешь, сразу заказал тебе номер, а потом поехал узнать подробности насчет суда над Омаром Нагиевым.

– Узнал?

– Лучше бы не узнавал, – признался Костя, – ты даже не представляешь, что у нас здесь творится. Оказывается, даже митинги проходят. Люди требуют, чтобы его расстреляли, он ведь целую семью тут вырезал! Такое не прощается.

– Неужели устроили открытый процесс?

– Конечно, открытый. Почти весь город на рогах стоит. Этого типа в тюрьме избили до полусмерти, он сейчас в больнице. Хорошо еще, что не убили.

– Ты считаешь, что такой самосуд может быть оправдан?

Костя взглянул на своего друга, затем снова посмотрел на дорогу. И ничего не сказал. Лишь через минуту он начал говорить:

– У нас уже восемь лет раненых и убитых привозят из Чечни. Сам должен понимать, как люди относятся ко всем «черным». Я не хочу тебя обидеть, но ты должен понимать чувства людей. Достаточно одной искры, чтобы начались погромы.

– Спасибо, что не сказал «к черножопым», – пробормотал Дронго. – Это из уважения ко мне?

– К тебе, – кивнул Костя, – к тебе. И поэтому давай я лучше закажу тебе билет на завтрашний рейс, и ты улетишь отсюда до того, как возобновится этот чертов процесс.

– Не улечу, – твердо ответил Дронго. – А то буду чувствовать себя, как негр в Алабаме в начале шестидесятых.

– Кончай валять дурака, – посоветовал другу Костя. – Ты будто не хочешь ничего понять: этот Нагиев убил троих, всю семью перебил, в том числе и ребенка. Его все равно задавят в нашей тюрьме. А если не успеют удавить, то приговорят к пожизненному заключению.

– Именно поэтому я и приехал, – заметил Дронго. – Тебе не кажется, что он может быть невиновен?

– Ага! И ты приехал его спасти, да? Ну прямо фильм о расовой дискриминации: город против черных, негра обвиняют в убийстве белого, приезжает мудрый шериф и находит настоящих убийц. Только это в кино бывает, Дронго. Ты ведь все прекрасно понимаешь. Нагиев сам во всем сознался...

– Если бы тебя избивали до полусмерти, ты бы тоже признался – хоть в убийстве Авраама Линкольна, хоть в покушении на папу римского, – заметил Дронго.

– А ты бы не признался? – в сердцах спросил Костя.

– Не знаю, – честно ответил Дронго. – Но надеюсь, что нет. Мне всегда нравились слова Хемингуэя, который сказал, что человека можно убить, но нельзя победить.

– Вот поэтому твоего Нагиева и убьют. – Костя явно разозлился. – Ты можешь мне объяснить, зачем приехал? Проводить самостоятельное расследование? Так тебе просто не дадут его проводить. А еще и голову проломают, как этому убийце. Ничего ты здесь сделать не сможешь. Лучше давай вечером к нам домой на ужин, а утром я отвезу тебя в аэропорт.

– Нет. – Дронго был тверд. – Я не люблю отступать. Хочу понять, что произошло на самом деле.

– Господи, ну почему ты такой упрямый! – Костя вздохнул. – Все равно же уедешь. После того как его осудят.

– Наверное, – согласился Дронго. – Но мне очень хочется сыграть на стороне Бога.

– Что? – не понял Костя. – Ты стал верующим?

– Не совсем. Я агностик, мне каждый раз бывает страшно представлять, насколько невероятна Вселенная во времени и пространстве. Человеческий ум не в состоянии охватить такие масштабы. Но если есть некий Высший Разум, то в систему должна быть заложена и энтропия Зла. К сожалению, в мире слишком много людей, играющих на другой стороне. Бог, конечно, всемогущ, но иногда нужно помогать и ему.

– Хочешь помочь? – Вопрос прозвучал насмешливо.

– Хочу, – очень серьезно ответил Дронго. – Мне важно понять, почему Омар Нагиев признался в таких страшных преступлениях. Ты знаешь, что он закончил школу с золотой медалью и получил диплом с отличием Московского авиационного института?

– Полагаешь, что отличники не бывают убийцами? – изумился Костя. – Кто тебе это внушил?

– Бывают, – согласился Дронго, – только не такими. И не нужно ерничать. Нагиеву могут дать пожизненное, а у него сын растет.

– Он убил ребенка! – Костя настолько разозлился, что даже затормозил. – Ты меня не убеждай, адвокат нашелся. Я тебе говорю: он – убийца! И ничего ты не сделаешь.

– Не кричи, – тихо попросил Дронго. Они сидели в автомобиле посреди улицы, и стоявшие за ними машины начали сигналить.

– Извини, – пробормотал Костя, – я из-за тебя сорвался. Мне будет неприятно, если мой друг попадет в какую-нибудь историю.

– Не волнуйся, – сказал Дронго, когда их машина свернула к отелю. – Вечером другим рейсом прилетит мой помощник. Он не «черный», а вполне белый. Даже, скорее, синий. Посланец Балтики.

– Издеваешься? – Федяков явно обиделся.

– Нет, правда. Он латыш, Эдгар Вейдеманис, мой друг. Я попросил его прилететь в Ростов и помочь мне. Не будешь возражать, надеюсь, если здесь появится латыш? Против прибалтов ты ничего не имеешь?

– Не смешно, – ответил Костя. – Я просто не хочу, чтобы ты вообще занимался этим страшным делом.

Он вышел из салона и достал из багажника чемодан Дронго. На оформление в отеле ушло несколько минут. Дронго поднялся в свой номер. С Костей они попрощались внизу, договорившись встретиться вечером. Дронго принял душ, переоделся и позвонил Голикову.

– Андрей Андреевич, здравствуйте. Это я вам звонил вчера два раза, – напомнил Дронго, – по делу Нагиева. Мы не могли бы увидеться? Я остановился в бывшем отеле «Инту-

рист». Не знаю даже, как он сейчас называется. Может, вы приедете ко мне? Я буду ждать вас в холле отеля.

– Хорошо, – согласился Голиков, – только не нужно в холле. Лучше я поднимусь к вам. Какой у вас номер?

Дронго назвал свой номер и с раздражением положил трубку на рычаг. «Кажется, они все здесь посходили с ума, – подумал он. – Что здесь происходит, черт их всех побери?!»

Он подошел к окну и посмотрел на улицу. Перед отелем стояло несколько машин, выделялись иномарки. Неожиданно раздался телефонный звонок. Дронго подошел к аппарату.

– Слушаю, – сказал он, сняв трубку.

– Вы не хотите отдохнуть? – спросил его игривый женский голос.

– Кто это говорит?

– Какая разница. Вы хотите отдохнуть?

– В каком смысле?

– Мы придем к вам девушку. Одну или двоих, по вашему желанию.

– Теперь понятно. – Дронго улыбнулся. – Нет, спасибо. Пока не нужно.

– Как хотите. – Женщина сразу положила трубку.

Все как обычно, подумал Дронго. В большинстве гостиниц раздаются такие звонки. Неизменная и поистине интернациональная особенность отелей любой страны СНГ и Прибалтики. За исключением самых дорогих и респектабельных. Обижаться не следует. Нужно либо принять предложение, либо сразу отказаться. Лучше принять, чтобы из номера не пропадали вещи. И платить гостям, которые, в свою очередь, платят «налоги» своим сутенерам, охране отеля, администраторам, милиции, бандитам и всем остальным, кто добился «права» получать свою долю.

Ждать пришлось недолго, Голиков уже через полчаса вежливо постучал в дверь. Ему было лет шестьдесят. Среднего роста, редкие седые волосы смешно топорщатся, образуя на голове своеобразный хохолок. Достаточно было взглянуть на этого адвоката, чтобы понять, насколько «важные дела» и насколько успешно он ведет. На нем был потертый старый костюм, сорочка с застиранным воротником и галстук, завязанный старомодным узлом и не достигающий до пояса. На ногах начищенные, но немного стоптанные туфли. Голиков вошел в комнату и протянул руку Дронго, несколько церемонно представившись:

– Андрей Андреевич Голиков.

– Очень приятно. Меня обычно называют Дронго.

– Я знаю, – Голиков улыбнулся. У него было круглое лицо, крупный, немного приплюснутый нос, мясистые щеки и голубоватые глаза, еще сохранявшие, несмотря на возраст, яркость. Большие роговые очки дополняли облик. Рукопожатие его оказалось достаточно крепким.

– У нас в Ростове про вас много рассказывали, – признался Голиков, усаживаясь за стол, и поставил рядом с собой тяжелый кожаный портфель с вытертыми углами. – Говорят, что вы самый известный эксперт по вопросам преступности. Некий гибрид комиссара Мегрэ и Джеймса Бонда. Извините меня за такое сравнение.

– Ничего, – Дронго рассмеялся. – С кем только меня не сравнивали! А я всего лишь специалист по правовым проблемам. Иногда мне удается дать более или менее удачные советы людям, которые обращаются ко мне за помощью. Вот, собственно, и все.

– Не скромничайте, – махнул рукой Голиков. На левом запястье у него красовались старые часы «Слава» с потертым кожаным ремешком. – Вы очень известный человек. И наверное, приехали сюда по делу Нагиева, решив, что еще можно что-то изменить. Увы, должен вас огорчить. К сожалению, дело обычное и ничего выжать из него не удастся. Я беседовал с моим подзащитным, изучил все документы. Нагиев признал свою вину, и боюсь, обвинительный приговор предрешен. Как мне ни прискорбно сообщать вам такие новости, но вы должны знать правду.

- И вы не собираетесь ничего предпринять?
- Конечно, собираемся. У нас есть несколько фактов, на которые я хочу обратить внимание суда, но они, к сожалению, не могут переломить общую ситуацию.
- Вы сами считаете его виновным?
- Я адвокат, господин Дронго, и не имею права обсуждать такие подробности даже с очень известным экспертом. Извините меня.
- Считайте, что я ваш помощник. Кстати, я хотел вас просить, чтобы вы меня оформили именно в этом качестве. Ведь вы можете взять себе секретаря или помощника...
- Боюсь, что моего скромного гонорара не хватит, чтобы заплатить вам, господин Дронго.
- Меня наняла Фатима Магомедова, сестра Омара Нагиева. Я готов защищать его интересы, – пояснил Дронго, – и именно поэтому хочу просить вас о такой услуге. Чтобы попасть на суд и иметь возможность встречаться с обвиняемым.
- Мы можем вас оформить, – согласился Голиков. – Однако, повторяю, это ничего не даст.
- Возможно. И тем не менее прошу вас ответить на мой вопрос: вы считаете его виновным?
- Голиков тяжело вздохнул. Осмотрелся по сторонам. Отодвинул портфель. И негромко признался:
- Безусловно. Нет никаких сомнений. К моему большому сожалению.
- Дронго нахмурился. В порядочности и честности адвоката сомневаться не приходилось. Как и в его компетенции.
- Вы давно работаете адвокатом? – поинтересовался Дронго.
- Больше сорока лет, – ответил Андрей Андреевич. – Раньше было легче, мы обслуживали разные предприятия, меня в городе многие знали. А сейчас времена изменились. И все же: если вы спрашиваете, чтобы знать мое мнение о вине Нагиева, повторю: факты – упрямая вещь.
- Можете назвать мне основные моменты, на которых базируется обвинение?
- Конечно. Магомедова видели в день убийства поднимающимся по лестнице в квартиру убитых. Он поздоровался со встреченной соседкой, и она его запомнила...
- Он там раньше бывал?
- Дважды. И был в квартире убитых в день убийства. Более того, убитый Степан Ковальчук и мой подзащитный были вместе в каком-то баре за день до убийства, их там видели вместе.
- Но это еще не основания для такого страшного обвинения?
- В доме убитых нашли отпечатки пальцев Нагиева...
- Если он там бывал, они могли остаться и от прежних визитов.
- Отпечатки нашли на внутренней стенке платяного шкафа в спальне. Вещи были разбросаны, и везде – отпечатки его пальцев. – На этот раз Дронго промолчал. Голиков взглянул на него и продолжил: – Мужчина и женщина были убиты из пистолета «ТТ» – три выстрела в Ковальчука и один в его жену. Оружие нашли рядом с домом в кустах. На нем был неспиленный номер и отпечатки пальцев Нагиева. В обойме оставалось еще несколько неиспользованных патронов.
- В девочку тоже стреляли?
- Нет. Экспертиза считает, что девочку задушили, а затем проломили ей голову. Причем в момент удара она, возможно, была еще жива.
- Что говорит сам Нагиев?
- Ничего. Он вообще мало говорит. Но признает, что виновен.
- Вам не кажется, что его могли подставить? Если он убийца, почему вел себя так глупо? Убил двоих из пистолета, а потом выбросил оружие рядом с домом, оставив на нем свои отпечатки пальцев.

– Убийцы не всегда бывают логичны и последовательны в своих поступках, – устало возразил Андрей Андреевич. – За сорок лет работы в адвокатуре я никогда не встречал математически рассчитанных убийств, вроде тех, что обычно описываются в классических английских детективах. Большая часть убийств происходит на бытовой почве, а оставшиеся – всего лишь преступления с корыстным расчетом: взять деньги или другие ценности.

– Нагиев не похож на обычного убийцу, – возразил Дронго. – Он закончил школу с медалью и Московский авиационный институт с красным дипломом. Этот человек умеет как минимум логически мыслить.

– Может быть, – согласился адвокат. – Но он дал показания, что украл пять тысяч долларов. Взял их из шкафа.

– Деньги нашли?

– Нет, не нашли. Но Нагиев упрямо твердит, что забрал деньги. И даже показал место, откуда взял их. Следователь не поленился, провел экспертизу. Там действительно раньше лежали доллары. Нашли даже кусочек купюры – Нагиев, наверное, неловко дернул пачку.

– Он не сказал, куда дел деньги?

– Говорит, что потратил. Здесь у следствия самое уязвимое место. Куда мог обвиняемый потратить такую большую сумму денег, так и не установлено. Но старший следователь Митрохин, который вел дело, поступил достаточно просто – он затребовал счета из некоторых дорогих ресторанов Москвы и Киева. Знаете, сколько стоит бутылка хорошего вина в дорогом ресторане?

– Знаю, – мрачно кивнул Дронго.

– Следователь показал эти счета. Они, конечно, не принадлежат Нагиеву, но ясно, что если бутылка вина стоит до пяти тысяч рублей, то потратить за один день большую сумму совсем несложно.

– Это не доказательство.

– Верно. Но и такой спорный факт не истолкуешь в свою пользу. После убийства Нагиев уехал в Киев, затем в Москву и только потом в Махачкалу. И следователь настаивает, что обвиняемый спустил все деньги на кутежи в столичных ресторанах.

– Убить трех человек, чтобы затем прокутить все полученные деньги? Не слишком ли примитивно?

– Не слишком. У меня было дело, когда внук зарезал собственную бабушку, чтобы взять у нее деньги на мотоцикл. Вы, очевидно, не вели дел на таком примитивном бытовом уровне. Извините меня, господин Дронго, но с подобными случаями мы сталкиваемся достаточно часто.

– Что еще? – печально спросил Дронго.

– Ничего. Если не считать того неприятного факта, что моего подзащитного два раза избили. Сначала в Махачкале, потом у нас, в Ростове. Уголовный мир не прощает таких преступлений. У всех есть жены, дети, даже у многих воров в законе. Хорошо еще, что его не обвиняют в изнасиловании. Иначе он наверняка не дожил бы до суда. Вы знаете, как охраняли в тюрьме Чикатило? Да его там просто разорвали бы на куски! Законы уголовного мира очень жестокие. Ты можешь убивать и грабить, но только не насиловать и убивать детей. Такие преступления не прощаются. Извините, что говорю вам об этом. Надеюсь, вы не станете передавать содержание нашего разговора сестре Нагиева.

– Мне все это известно, – кивнул Дронго. – Значит, вы считаете, что никаких шансов нет?

– Почти никаких, – честно признался Голиков. – Я, конечно, попытаюсь что-то сделать. Неясно, куда делись деньги и почему Нагиев выбросил пистолет с отпечатками своих пальцев рядом с домом. Действительно, он же мог хотя бы протереть оружие. В общем, какие-то зацепки у нас есть, но боюсь, что все это на приговор мало повлияет.

Почему вы не потребовали суда присяжных? По российским законам в случае обвинения в особо тяжких преступлениях подсудимый может настаивать, чтобы его дело слушалось в суде присяжных.

– Да вы что?! – замахал руками Андрей Андреевич. – Разве можно о таком даже говорить? И заикаться не стоит. Нас сотрут в порошок. Прокуратура только и мечтает о таком процессе. Но вы только представьте себе ситуацию: приезжий лезгин жестоко убивает местных жителей, в том числе ребенка, девочку. Присяжные единогласно приговорят его к смертной казни, несмотря на то что на смертную казнь у нас наложен мораторий.

– Получается, что нет никаких шансов, – подвел итог Дронго.

– Если честно – никаких. Я много слышал о вас как о профессионале и уважаю ваше решение помочь моему подзащитному. Но у вас нет шансов. Если хотите, послушайтесь моего совета и уезжайте отсюда. Вам не обязательно присутствовать на процессе. Мы все равно ничего не сможем сделать. Простите, что говорю вам об этом. Но вы профессионал и должны меня понять.

– Я уже принял решение, – возразил Дронго. – Вы можете меня поскорее оформить в качестве своего помощника? Я хотел бы встретиться с Нагиевым до суда.

– Это очень сложно, – вздохнул Андрей Андреевич, – но я постараюсь. У нас, в Ростове, не очень развит институт помощников адвокатов. Здесь не Лондон и даже не Москва.

– Это я уже понял, – кивнул Дронго. – Так куда мне завтра приехать, чтобы оформить все документы?

– К нам в юридическую консультацию. Я поговорю с заведующим, мы что-нибудь придумаем. – Голиков взял со стола портфель и поднялся со стула. – Очень тяжелое дело, – признался он на прощание. – Меня даже соседи упрекают. Мол, защищаю мерзавца, который приехал к нам и перебил всю семью. Мне знакомые сотрудники милиции говорили, что в городе участились случаи нападения на представителей кавказской диаспоры.

Дронго проводил его до дверей. И уже когда Голиков выходил, спросил:

– Последний вопрос: Нагиев чем-нибудь болеет? Его не проверяли?

– Он сейчас в больнице, – напомнил адвокат, – его едва не убили.

– Нет, я не об этом. У него нет никаких хронических болезней?

– Кажется, есть язва. И сердечная аритмия. Ну в общем, обычные болячки, которые могут быть у человека. Ничего особенного. Так завтра я жду вас в консультации. До свидания.

– Всего хорошего.

Дронго закрыл дверь и вернулся к столу. Если несчастный Омар виноват настолько, что даже его адвокат уже не сомневается в этом, то спасти молодого человека будет очень трудно, если не невозможно. Он не успел додумать до конца эту мысль, когда раздался телефонный звонок.

Глава 4

– Здравствуйте, – услышал он незнакомый мужской голос, – это господин Дронго?

– С кем я говорю? – спросил он.

– Это неважно. Нам сообщили, что такой известный эксперт прибыл в наш город. Нам приятно знать, что вы решили почтить наш город своим присутствием.

– Слишком высокопарно, – сообщил собеседнику Дронго, – не нужно разговаривать таким высоким слогом, иначе мне придется отвечать вам в подобном же стиле, будто мы испанские идалго.

Очевидно, позвонивший не слышал об испанских идалго, но справедливо обиделся, поняв, что над ним издеваются.

– Ты не шути, – посоветовал позвонивший, – приехал к нам и думаешь защитить этого черномазого? Ничего у тебя не выйдет.

– Кто со мной говорит?

– Это неважно. Мы тебя предупредили. Убирайся отсюда, здесь тебе не Москва и не твой Дагестан.

Дронго улыбнулся. Говоривший невольно себя выдал: ему неизвестно, откуда именно прибыл Дронго, но он знает, что эксперт приехал по просьбе дагестанской родни обвиняемого. Значит, нужно узнать, откуда в городе появились такие сведения.

– Я догадываюсь, что меня тут не ждали, – весело заметил Дронго, – но мне казалось, что я все же могу рассчитывать на большее гостеприимство.

– Ты много не болтай, – посоветовал позвонивший, – и вообще мотай отсюда. Считай, что мы тебя предупредили. Нам защитники черномазых в городе не нужны. – И повесил трубку.

Дронго пожал плечами. Нужно будет найти Фатиму, когда она позвонит, и узнать, кто мог рассказать в Ростове о его приезде. Пока о его визите знают только Костя Федяков и Андрей Андреевич Голиков. Но не в их интересах говорить о каких-то связях с ним. Значит, информация имеет другой источник.

Было около семи вечера. «Заказать ужин в номер или спуститься в ресторан?» – размышлял Дронго. Он начал переодеваться, когда раздался новый телефонный звонок.

«Неужели опять этот придурок?» – разозлился Дронго, поднимая трубку. И услышал знакомый голос.

– Добрый вечер. Это Федяков. Мы с тобой договорились сегодня поужинать вместе. Я жду тебя внизу, спускайся.

– Сейчас спущусь, – согласился Дронго.

Увидев его, дежурная по этажу улыбнулась.

– Вы надолго? Поздно вернетесь? – осведомилась женщина. Ей было лет сорок пять. Слишком большой парик придавал ее приятному лицу несколько нелепое выражение.

– Не знаю, – ответил Дронго. – Но постараюсь вернуться пораньше. Как вас зовут?

– Алла Николаевна. – Она вновь приветливо улыбнулась.

По холлу первого этажа нетерпеливо ходил Костя Федяков. Он был в нарядном светлом костюме. Увидев Дронго, он с улыбкой шагнул навстречу.

– Я думал, что ты уже ушел, – признался Костя. – Обиделся и не стал меня ждать.

– Меня трудно обидеть, тем более всего лишь не соглашаясь со мной, – отозвался Дронго. – С одной стороны, – я полагаю, что у каждого человека есть право на ошибку. А с другой – не считаю возможным обижаться по любому поводу, особенно когда со мной говорят достаточно искренне.

Они вышли и сели в автомобиль Федякова.

– Только учти, – напомнил Дронго, – у нас мало времени. Только три часа.

– Как это три часа? – не понял Костя. – Мы же договорились, что поедем ко мне. Жена приготовила такой ужин! Может, мы посидим до утра, чего заранее загадывать.

– Я должен вернуться в отель, – терпеливо объяснил Дронго, – у меня важная встреча.

Он не стал напоминать Косте, что вечером должен приехать Эдгар Вейдеманис. На всякий случай Дронго не сообщал никому, что Вейдеманис приезжает поездом, а не прилетает самолетом. На поезде, где багаж не досматривают, у Эдгара была возможность привезти оружие, которое могло пригодиться в сложной ситуации. Разрешение на оружие у обоих экспертов имелось, они могли не опасаться возможных проверок.

Федяков повел машину в сторону набережной, вдоль которой стояли новые дома.

– Разве ты живешь в той стороне? – спросил Дронго.

– Нет, конечно. – Костя улыбнулся. У меня собственный двухэтажный дом, купил в девяносто шестом. Тогда у меня дела шли неплохо, издавалось много книг. В девяносто седьмом вообще был пик продаж. Я все время думаю, как удачно успел купить дом. Потом был дефолт, в девяносто восьмом году у нас тут столько людей обанкротилось! Нет, лучше об этом не вспоминать. А путь я выбрал не случайно – полюбуешься нашим Тихим Доном.

Дронго молча смотрел в окно. Неожиданно он попросил остановиться.

– Что случилось? – не понял Федяков.

– Подожди, – попросил Дронго. Он вышел из салона автомобиля и направился к цветочному магазину, откуда вернулся с роскошным букетом, который бережно положил на заднее сиденье. – Это для твоей жены, – пояснил он.

– Спасибо, – смущенно буркнул Костя.

– Я помню вашу улицу Энгельса, – сказал Дронго, площадь у Дома советов и, конечно, проспект Ленина. Сейчас, наверное, уже некоторые названия поменялись. Интересно, что во всех крупных городах Советского Союза, да и в маленьких тоже, были Советские улицы, проспекты Ленина и улицы Энгельса. А потом мы разодрали свою страну на куски, а заодно переименовали некоторые города и улицы, решив, что это сделает нас счастливыми. Как глупо...

– В первое время и нам было непривычно, – признался Костя, – мы ведь вдруг оказались на границе. Макеевка или Горловка уже в другой стране. Нужно паспорта показывать, границу проходить. А у нас у всех там родные и близкие. Потом привыкли. Сейчас некоторые даже пользуются: везут туда дефицит, а оттуда дешевые товары. Бизнес наладили. В общем, устроились с учетом новых обстоятельств. Знаешь, как наши книги продавались? Если хорошие были, то они и на Украине шли, как в России.

– Значит, ты тоже устроился? – насмешливо спросил Дронго.

– А ты не улыбайся. Жить-то нужно было. Разве я думал, что издателем стану? Я ведь театральный режиссер по профессии. Жизнь заставила издательство открыть. Так и мои товарищи. Среди них и врач есть. Он, правда, подзаработал немного в туристическом бизнесе, а потом не выдержал, в медицину вернулся. У нас просто другого выхода не было. Ты ведь тоже не от хорошей жизни частным детективом заделался. Раньше был известным человеком, в ООН работал, с Интерполом сотрудничал. А сейчас мотаешься по нашим весям, чтобы какого-то полоумного убийцу защитить. И зачем тебе это нужно?

– Ты опять за свое? – покачал головой Дронго.

– Ладно, больше не буду. Но ты мне скажи, тебе самому не обидно? Кем ты был и кем ты сейчас стал.

– Не знаю, – ответил Дронго, – я ушел из экспертов еще до того, как распался Союз. В последние годы было слишком много лжи и предательства. Мне еще повезло, я сумел достойно уйти. А сколько людей пострадало, у скольких поломали жизнь. Больше всего повезло в бывшем СССР разведчикам. У них в Первое главное управление пришел Примаков и просто спас это ведомство от разгрома. Ему памятник при жизни нужно поставить за такую работу. А потом и того больше – в девяносто восьмом возглавил правительство и всю страну спас. В Аргентине,

когда их валюта обвалилась, четырех президентов сменили, по всей стране были грабежи и мародерства. А в России тогда в четыре раза рубль ссохся – и ничего, выжили. И как же Евгения Максимовича отблагодарили? Отправили в отставку и устроили на него массированную атаку.

Дронго помолчал. Константин уважительно ждал продолжения его монолога.

– У меня тогда много чего накопилось. Погибла женщина, которая мне нравилась. Застрелилась другая. В общем, все было наперекосяк. И никто не знал, чем кончатся эти идиотские эксперименты Горбачева – Шеварднадзе. Два никчемных политика «сдавали» собственную страну, и я, как госчиновник, вроде бы в этом должен был соучаствовать, молчаливо наблюдая за ее агонией. Они тогда предали всех и все, что могли. Вот я и решил уйти. А потом жизнь моя как бы разделилась. Теперь я живу немного в Баку, немного в Москве и немного в одной европейской стране.

Дронго не стал называть Италию. Это было слишком личное его дело, чтобы говорить об этом Федякову. Да и вообще он никогда и никому не рассказывал, куда и зачем уезжает.

– Что касается моего приезда сюда, – продолжал Дронго, – то скажу тебе честно: я приехал сюда не потому, что меня наняли. У этого несчастного, подозреваемого в убийстве, нет денег даже для того, чтобы содержать самого себя. Жена и сын Нагиева в Киеве, а ко мне приезжала его сестра. Я ее выслушал и подумал: как могло получиться, что молодой человек, подававший большие надежды, вдруг оказался таким страшным убийцей? Ты вот можешь мне это объяснить?

– Мне чихать на его надежды! – в сердцах выговорил Костя. – Если он убийца, то я не хочу вникать в душевные переживания этого сукина сына. Он должен ответить за свое преступление. Вот и все мое отношение к нему. А на остальное мне плевать.

– Какой ты у нас, оказывается, апатичный, – нахмурился Дронго. – Значит, тебе на все наплевать?

– Нет, не на все. Но когда ребенка убивают, мне плевать на душевные потрясения убийцы, даже если он был круглым отличником, как ты сообщил мне сегодня утром. Мне нужно, чтобы его посадили на всю жизнь. И чтобы он сдох в тюрьме. Вот какое у меня к нему отношение. И это не апатия, а антипатия. В отличие от твоей симпатии. Извини, но я привык говорить правду. Или ты думаешь, что, если он лезгин и мусульманин, я должен к нему по-другому относиться? Вот я два раза был в Штатах, видел, как там белые американцы посадили себе на голову негров. Что из этого хорошего получилось? Уже даже Буш издал указ, что все привилегии негров нужно отменять. Нельзя оставлять глупых чернокожих в институте только на том основании, что они негры, и не принимать талантливых белых ребят, только потому, что у них цвет кожи как у бывших рабовладельцев. Нельзя! И в нашей стране тоже слишком долго цацкались со всеми этими черными, мусульманами, азиатами. Дружба народов, видите ли. Все это херня, Дронго. Вот ты мой друг, и это я понимаю. Есть у меня друг грузин – Шалва Зедгенидзе, которого я очень люблю и уважаю. Но твоих соплеменников, заповивших наши базары, я любить не обязан. Они, кстати, меня тоже не особенно любят. Все правильно. Своя рубашка ближе к телу. Ты не согласен? – Костя обернулся к Дронго.

– Смотри вперед, – посоветовал тот. – Тебе не кажется, что нужно вообще уважать людей? И одинаково хорошо к ним относиться, независимо от окончания их фамилии?

– Нет, не кажется. Они меня не уважают, почему я должен себя насиловать? Ничего подобного я не обязан делать.

– А ты не допускаешь, что мы очень скоро окажемся у опасной черты, если все начнут так откровенно не уважать друг друга? Не думаешь, что в огромной многонациональной России такая проблема может разорвать страну, как она уже разорвала Советский Союз?

– Хватит меня агитировать, – поморщился Федяков, – ты у нас прямо-таки заядлый интернационалист. А я тебе говорю, что здесь у нас свои порядки. Мы живем слишком близко к Кавказу, со всеми его чеченцами, осетинами, ингушами и прочими кавказцами. У нас их

слишком много: армян, грузин, азербайджанцев. Они сюда бегут от своих проблем. И если они еще станут убивать наших женщин и детей, мы ни перед чем не остановимся. Неужели ты не можешь понять моих земляков?

– Один человек не может представлять весь свой народ, если это, конечно, не президент, – сказал Дронго. – Никто же не требовал убивать всех соплеменников Чикатило, хоть тот был настоящим зверем.

– Это разные вещи. Он убивал всех без разбора. А твой лезгин приехал к нам и убил русскую семью.

– Они, кажется, украинцы...

– Какая разница. Все равно славяне. И ты хочешь, чтобы все молчали...

– Я не знал, что ты так изменился за эти годы, – сказал Дронго. – Поворачивай машину. Я не поеду к вам на ужин, не хочу сидеть с тобой за одним столом. Цветы сам передашь жене.

– А говорил, что не обижаешься, – напомнил Федяков, останавливая машину, – кончай валять дурака, поедem. Шалва тоже у нас будет.

– Не хочу. Ты же не любишь всех чернокожих.

– Ты у нас на особом счету, – попытался пошутить Костя. – Ладно, не дергайся. Я тебе правду говорю, а ты обижаешься. Хочешь, я вообще не буду об этом говорить? Ты же сам первый начал.

– Ладно, поехали, – разрешил Дронго. – Иногда полезно выслушивать и подобные речи, чтобы лучше понимать ситуацию.

– И вообще, давай забудем об этом процессе, – предложил Федяков, трогаясь с места. – Ты к нам в гости приехал, а мы собачимся. Некрасиво как-то.

– Смотри вперед, – снова сказал Дронго. – Если попадем в аварию, нас могут положить в одну палату. И тебе придется терпеть мое соседство. – Они переглянулись и рассмеялись.

Машина мягко затормозила у забора, за которым был виден двухэтажный дом.

– Вот и приехали, – сказал Костя, – сейчас загоню машину во двор. Ты не выходи, у меня ворота автоматически открываются. У нас тут тоже двадцать первый век.

Ворота действительно автоматически открылись, и автомобиль въехал во двор. К ним навстречу уже спешили дети хозяина и его супруга, женщина лет тридцати пяти. У нее была стройная фигура, красивое лицо, выющиеся светло-каштановые волосы. В джинсах и спортивной куртке она выглядела совсем юной. Мальчик и девочка, похожие на отца и мать одновременно, остановились, не решаясь подойти к отцу в присутствии незнакомца.

– Это наши дети! – Костя гордо улыбнулся. – Идите сюда, ребята, познакомьтесь с нашим гостем.

Дети нерешительно переглянулись, девочка шагнула первой. Дронго опустился на корточки и протянул ей руку. Вслед за сестрой шагнул и мальчик. Супруга Федякова подошла последней.

– Лада, – представилась она, протягивая узкую ладошку.

– Меня обычно называют Дронго, – привычно произнес он, целуя ей руку.

За ужином было шумно и весело. Кроме Федяковых, здесь находился и Юрий Глухов с супругой, компаньон Кости по издательскому бизнесу. Шалва приехал с женой и тремя детьми. Мальчик поразительно походил на пузатого невысокого отца, а две худенькие девочки – на стройную мать. За столом было еще несколько человек, среди которых выделялся Григорий Санаев, дядя Лады, и его мрачная, неразговорчивая жена, которая выглядела лет на десять старше мужа.

Шалва, как настоящий грузин, оказался подлинным тамадой и довольно быстро сумел всех напоить, подстегивая остроумными тостами. Дронго усадили между семейными парами Санаевых и Глуховых, которые охотно поддерживали все предложения тамады. Дронго никогда не злоупотреблял спиртным, предпочитая сухое вино. С годами его пристрастия менялись.

Кроме французского красного вина, он стал выбирать новозеландские и чилийские белые, а также итальянские и испанские красные вина. После поездки в Южную Америку он полюбил текилу, а во время многочисленных авиационных перелетов выбирал в качестве аперитива водку с томатным соком. А еще он иногда позволял себе рюмку «Хеннесси», считая полезным выпивать перед вылетом немного коньяку, чтобы достаточно комфортно чувствовать себя при взлете.

Сидевший рядом Санаев пил много, почти не хмелея, и мрачно кричал, ставя стакан на стол. Дронго обратил внимание, что его сосед пил только водку, не смешивая ее с другими напитками. Санаев заметил его взгляд.

– Считаете, что не выдержу? – неожиданно спросил он. – Думаете, свалюсь?

– Нет, – усмехнулся Дронго, – полагаю, что вы можете выдержать еще достаточно долго.

– Правильно полагаете. – Санаев кивнул, снова поднял свой стакан и выпил до дна. Закусывал он малосольными огурчиками, которых положил себе полную тарелку.

– У нас работа такая собачья, – пояснил он. – Как только заканчиваешь институт, сразу начинаешь пить. А потом уже трудно остановиться.

– Вы ведь врач? – Дронго вспомнил. Дядю супруги Кости ему представили как врача.

– Ага. Хирург по мертвым конечностям, – хмыкнул Санаев.

– Простите? – не понял Дронго.

– Я патологоанатом, – пояснил Санаев. – Знаете, как у нас принимают в коллектив? Нужно сначала пройти все этапы – выпотрошить несколько десятков изувеченных трупов, нанюхаться формалина, самостоятельно провести трепанацию черепа, и только потом тебя станут считать начинающим специалистом. Ну и дальше в том же духе. В общем, ничего приятного. А водка сильно помогает отвлечься от разных дурных мыслей. И о бренности своего существования, и о вечном. Патологоанатом-трезвенник – это все равно что пьяный космонавт. Таких словосочетаний просто не бывает.

– Наверное, вы правы, – согласился Дронго. – Когда я учился на юридическом факультете, то на вскрытие трупов в ходе изучения судмедэкспертизы ходил крайне неохотно.

– Значит, мы почти коллеги, – вздохнул Санаев. – Копаемся в одном дерьме.

Он снова налил себе полный стаканчик водки и залпом выпил.

«Хорошо, что Костя не поставил больших стаканов, – подумал Дронго. – Думаю, мой сосед спокойно выпьет бутылку в одиночку, может, даже две. Но есть предел и его возможностям».

– Вы работаете здесь, в Ростове? – спросил он.

– Уже двадцать лет, – кивнул Санаев, – а до этого работал в Мурманске. Там в основном попадались утонувшие и пострадавшие в пьяных драках моряки. Такого количества изувеченных, ободранных, изуродованных трупов, как тут, конечно, не было. И почти никогда не попадались дети. А здесь... я столько насмотрелся! В этом месте, как я слышал, существует какая-то аномалия, и поэтому именно здесь чаще всего появляются сексуальные маньяки. Между прочим, я местная знаменитость. Несколько жертв этого ублюдка Чикатило привозили именно ко мне. Можете представить, чего я нагляделся? Я бы его лично положил живым к себе на стол и устроил бы ему такую экзекуцию...

Санаев тяжело вздохнул, но пить не стал, лишь посмотрел на свой пустой стакан.

– Мы переехали сюда из-за жены. У нее астма, и врачи рекомендовали уехать на юг. Вот я и приехал к родственникам. Сейчас я заведующий лабораторией, доктор наук. Как вы думаете, я могу считать, что моя жизнь удалась?

– Думаю, да, – осторожно заметил Дронго.

– А я вот так не думаю, – признался Санаев. – Впрочем, какая разница.

Шалва говорил очередной тост – за всех детей, и гости его охотно поддерживали. Санаев налил себе немного, поднял стаканчик и взглянул на Дронго:

– У вас есть дети?

Дронго подумал, что вовсе не обязательно говорить Санаеву о Джил и своем сыне. Но врать не хотелось.

– Есть, – сказал он.

– А у нас нет, – с некоторым вызовом сообщил его сосед по столу и выпил.

Дронго подумал, что супруга Санаева больна не только астмой, но тот словно понял, что нужны пояснения:

– У нас мальчик погиб в Мурманске. Утонул, – сказал Санаев. – Мы с женой решили переехать, чтобы там не оставаться. И придумали в качестве причины астму. Вот с тех пор я и не могу смотреть на детей... Я ведь сына своего тоже видел... Как заведующий лабораторией, я обязан присутствовать при таких вскрытиях.

Он замолчал. Дронго нахмурился. Да, иногда можно общаться, только основательно нагрузившись. Он посмотрел на свой стакан вина и выпил его до дна. Затем спросил:

– Извините, что спрашиваю, но экспертизу погибшей дочери Ковальчука тоже вы проводили?

– Ковальчук? – переспросил Санаев. Потом мрачно кивнул: – Тоже я. Этот сукин сын убил и ребенка.

– Как она погибла?

– Вам так интересно знать подробности? – Санаев громко хмыкнул, и все посмотрели на него. Жена даже незаметно толкнула его локтем в бок. – Извините, – прошептал патологоанатом, – я не хотел кричать. Этот убийца сначала душил девочку, а затем еще живой размозил ей голову.

– Она умерла не от удушья?

– Нет. Мы точно установили, что от удара по голове. А на шее были такие следы, словно убийца хотел лишь испугать девочку, а не задушить ее.

– Но в обвинительном заключении написано, что он ее задушил, – не унимался Дронго, – и лишь затем проломил голову.

– Хотите статью написать об этом деле, – превратно истолковал его интерес Санаев, – ну давайте, пишите. Дело громкое. Только это следователь все так написал. Я говорил Митрохину, что все наоборот было, но он ко мне не прислушался. И наши врачи подписали акт, который был нужен следователю. По большому счету, какая разница, что он с девочкой сначала сделал, а что потом. Главное, убил. На ее пуговицах нашли отпечатки пальцев этого мерзавца. Я бы его самого удушил. – У Санаева непроизвольно сжались кулаки.

Дронго взглянул на свой пустой стакан, взял бутылку вина и наполнил его. Он поднял стакан, посмотрел на хозяина дома, встретившись с его внимательным взглядом.

– За ваш дом, Константин, – сказал Дронго. – За всех твоих родственников и друзей. – Он поднялся и выпил вино под аплодисменты присутствующих.

– Настоящий кавказец, – одобрительно сказал Шалва.

Федяков смотрел на Дронго, ничего не говоря.

– Да, – громко согласился Дронго, не отводя глаз от хозяина дома, – я настоящий кавказец.

Глава 5

Вернувшись к себе в номер, Дронго прошел к столу, собираясь занести в свой ноутбук некоторые мысли, пришедшие в голову после разговора с патологоанатомом. Чтобы включить компьютер, нужно было ввести многозначный цифровой и буквенный код, известный только самому Дронго. В компьютере было несколько ловушек, которые автоматически стирали программу в случае неверной последовательности набора кода или ошибок в действиях по открытию файлов. И наконец, шифр был разработан Дронго много лет назад, и свои записи мог прочесть только он сам.

От работы его отвлек телефонный звонок. Он снял трубку и услышал знакомый голос Эдгара Вейдеманиса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.